

ФИЛОСОФСКИЕ ДИЛЕММЫ «ПИСЕМ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М. КАРАМЗИНА

А.А. КАРА-МУРЗА

«Родина без свободы» versus «свобода без родины»

Вместо предисловия

Драма русской эмиграции: от Александра Герцена – через массовый пореволюционный исход – к диссидентам новейшего времени, во все времена состояла в том, что эти люди, зачастую цвет отечественной культуры, вынуждены были, в силу обстоятельств, предпочесть родине – «свободу». Не секрет и то, что эта высокая экзистенциальная трагедия у людей попроще часто подменялась банальным трюизмом: «зачем мне родина без свободы?», из чего следовал по-своему логичный для людей такого склада вывод: «где хорошо – там и родина».

Особое, выдающееся место Николая Михайловича Карамзина в русской истории и культуре обусловлено в том числе и тем, что он – безусловный европеист по образованию и воспитанию¹ – впервые сумел (или осмелился?) поставить вопрос принципиально иначе: «а зачем мне свобода без родины?..» Над этой непростой философской дилеммой стоило бы задуматься не только нашим «западникам», подчас снисходительно отторгающим «патриота» Карамзина, но и доморощенным «самобытникам», которым очень далеко до настоящего патриотизма либеральных патриотов Б.Н. Чичерина, П.Б. Струве, Г.П. Федотова, В.В. Вейдле².

Почему уехал Карамзин?

Причины, побудившие весной 1789 г. двадцатидвухлетнего отставного поручика и начинающего литератора Карамзина прервать литературное сотрудничество в московской «Типографической кампании» масона-просветителя Н.И. Новикова (единственное, что давало ему регулярный заработок) и отправиться в длительное – четырнадцатимесячное! – странствие по Германии, Швейцарии, Франции, Англии, до сих пор остаются до конца невыясненными³.

Прежде всего, озадачивает и до сих пор не получает должного объяснения тот факт, что за время своего длинного путешествия Карамзин *практически ничего не писал в Россию* – ни родным братьям Василию и Федору, ни сестре Екатерине (в замужестве Кушниковой), ни самым близким друзьям. Объяснение этому может быть только одно: отправляясь за границу, Карамзин предупредил родных и друзей, что *писать не будет*, и просил, чтобы *они не писали ему*. Похоже, прав один из пер-

вых биографов Карамзина В.В. Сиповский: «Можно предположить, что Карамзин, заноса свои впечатления в записную книжку, вел “заглазную беседу” со своими друзьями...»⁴

Остается открытым и вопрос, *на какие средства* совсем небогатый Карамзин совершил свое «путешествие»? А.В. Старчевский, еще один известный биограф Карамзина, писал, что в конце XVIII — начале XIX в. в столичных кругах ходил слух, «будто известный патриот, Новиков, желая содействовать распространению просвещения в отечестве, и видя в молодом Карамзине человека, подающего большие надежды, доставил ему средства совершить путешествие по образованнейшим государствам Европы, с тем, чтобы Карамзин, возвратившись с богатым запасом новых идей, содействовал его видам»⁵. По словам Старчевского, долгое время принималось за доказанный факт и то, что, отправляясь за границу, Карамзин получил от видного масона Семена Гамалеи подробную «инструкцию», которой должен был руководствоваться в Европе «в выборе предметов изучения». Более того, согласно Старчевскому, «копии с этой инструкции имелись у многих любителей русской старины в Москве»⁶.

Обсуждались в обеих столицах и свидетельства литератора Ф.Н. Глинки (будущего декабриста), который ссылался на слова самого Карамзина, будто бы доверительно сообщившего ему, что «был направлен за границу на средства масонов», и что «общество», отправившее его, «выдало путевые деньги из расчета на каждый день на завтрак, обед и ужин», и поэтому, например, для покупки книг за границей он вынужден был экономить на еде и т.д.⁷

В дальнейшем, однако, «масонская версия» путешествия была задвинута на дальний план — общими усилиями как друзей Карамзина, сочувствовавших ему и оберегавших от возможных неприятностей, так и, похоже, самих «властей предержавших», приблизивших со временем Карамзина ко двору и сделавших его имя частью официоза. «В новейшее время доказано, — уверенно продолжает тот же Старчевский, — что эта молва (о “масонском следе” в вояже Карамзина. — А. К.) не имеет никакого основания, и что молодой Карамзин путешествовал на свой собственный счет, уступив часть имения, приходившуюся ему по смерти отца, своему старшему брату, Василию Михайловичу»⁸.

Вот и сегодня, большинство исследователей карамзинского вояжа, ставшего поистине культовым, продолжает «отгонять от себя» простую мысль, как смог Карамзин позволить себе длительное пребывание за границей (в одной Женеве он, например, прожил пять месяцев!) на те небольшие деньги, которые он якобы выручил от продажи брату доли отцовского наследства⁹? К тому же основную часть этих денег — и это доказано — он получит лишь несколькими годами позже, в 1795 г. и, кстати, известно, как потратит, — на помощь нуждающейся семье своих друзей Плещеевых¹⁰.

При этом представляется глубоко неверной и точка зрения, согласно которой Карамзин отправился в Европу «с заданием от масонов». Известно, что в иерархии московских мартинистов Карамзин имел невысокий статус «брата», полученный еще в Симбирске, — с таким статусом в Европу с «заданиями» не посылают! Очевидно, что Карамзину помогло деньгами не «сообщество», а, скорее, лично Н.И. Новиков, — а это совершенно разные вещи. Отправляя Карамзина за границу, Новиков мог увлечь его «журналистским заданием» с обещанием последующих публикаций и даже в счет будущих гонораров, — сейчас об этом опять-таки можно только гадать¹¹. Гораздо важнее другой и главный вопрос: а зачем Новикову вообще потребовалось отсылать Карамзина за границу весной 1789 г.?

Загадочный «Тартюф»

Чтобы ответить на этот вопрос, надо внимательно перечитать переписку двух очень близких в то время Карамзину людей: по-матерински любившей и опекавшей его А.И. Плещеевой и его масонского наставника А.М. Кутузова, ранее действительно посланного кружком Новикова в Берлин «с заданием». Из этих писем, зачастую непростых для восприятия (оба участника догадывались о перлюстрации), можно сделать, тем не менее, однозначный вывод: весной 1789 г. Карамзин не собирался уезжать за границу и отправился в Европу не по своей воле.

Так, 22 июля 1790 г. Плещеева писала из орловского имения Кутузову в Берлин: «К счастью, не все, например, вы знаете причины, которые побудили его (Карамзина. — А. К.) ехать. Поверите ль, что я из первых, плавав пред ним, просила его ехать; друг ваш Алексей Александрович (Плещеев. — А. К.) — второй; знать сие было нужно и надобно. Я, которая была вечно против одного вояжа, и дорого мне стоила она разлука. Да, таковы были обстоятельства друга нашего, что сие непременно должно было сделать»¹². Из этих слов следует, что супруги Плещеевы, имевшие большое влияние на Карамзина, уговаривали его весной 1789 г. ехать в Европу — после того, как узнали о неких «обстоятельствах».

И далее в письме к Кутузову Плещеева указывает на некоторое «лицо» (хотя прямо и не называет его), поведение которого стало главной причиной отъезда Карамзина: «После этого скажите, возможно ли мне было и будет любить злодея, который всему почти сему главная причина (курсив мой. — А. К.)? Каково расставаться с сыном и другом и тогда, когда я не думала уже увидеться в здешнем мире. У меня тогда так сильно шла горлом кровь, что я почитала себя очень близкой к чахотке. А того, кто причиной сего вояжу, вообразить без ужаса не могу, сколько я зла ему желаю! О, Тартюф!»¹³

О ком именно шла речь в сумбурном письме Плещеевой, установить непросто. Важным ключом к поискам лица, ставшего причиной отъезда Карамзина за границу, является плещеевское именование

пресловутого «злодея» — «Тартюфом». Подобная характеристика наводит на мысль, что речь в письме идет не о заведомом явном враге, а, напротив, — о человеке, который числился одно время среди «своих» и, возможно, был даже вхож в дом Плещеевых. Ведь «Тартюфом», вслед за Ж.-Б. Мольером¹⁴, принято называть до поры не разоблаченного, показного святошу (в душе абсолютно порочного), ловко прикидывающегося «другом дома». Очевидно, в рассказанной истории А.И. Плещеева сама невольно отождествляет себя с мольеровской Эльмирой, которой, как известно, хотя и не сразу, удалось разоблачить Тартюфа...

Первый публикатор переписки Плещеевой и Кутузова в журнале «Русская старина» (1874) был склонен искать «Тартюфа» среди высокопоставленных московских масонов, близких к Новикову, и высказал предположение, что в письме Плещеевой «Тартюфом» назван масон С.И. Гамалея, человек набожный и имевший репутацию «Божьего человека»¹⁵. Несколько позднее публикатор масонской переписки Я.Л. Барсков выразил сомнение в подобной «методе» поисков «Тартюфа», потому что как раз репутация Гамалеи всегда была безупречной¹⁶. Добавлю от себя, что в письме А.А. Петрова Карамзину в Женеву от 20 сентября (ст.ст.) 1789 г., среди общих знакомых, которые, по словам Петрова, «желают тебе всякого добра» под инициалами «С.И.» наверняка упоминается именно Гамалея¹⁷. Это окончательно убеждает, что С.И. Гамалея, разумеется, никак не мог быть «Тартюфом».

В своей книге о Карамзине 1899 г. В.В. Сиповский также был склонен полагать (правда, не называя конкретных имен), что интрига против молодого Карамзина шла «изнутри» ближайшего круга Н.И. Новикова: «Из первых писем Плещеевой, писем, в которых чувствуются и слезы, и страх, — видно, что тогда в новиковском кружке не все было благополучно: какая-то трагедия разыгрывалась там втихомолку на глазах у Плещеевой, а она, перепуганная женщина, спасая дорогих ей людей, дерзала бороться с каким-то “злодеем”, “Тартюфом”...»¹⁸

Иначе интерпретирует смысл письма Плещеевой Кутузову Ю.М. Лотман: «Мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем, кого Плещеева называла “злодеем” и “Тартюфом”, но мы вряд ли ошибемся, если предположим связь этих событий с гонениями, обрушившимися в это время на московский круг единомышленников Н.И. Новикова, к которому принадлежал и Карамзин»¹⁹. Лотман, таким образом, склоняется скорее к версии, что весной 1789 г. молодой Карамзин каким-то образом оказался мишенью начинающих репрессий со стороны императорского двора против кружка Новикова²⁰.

Мне представляется, что к разгадке внезапного отъезда Карамзина из России весной 1789 г. (им самим не планируемого, тем более — на столь длительный срок), с разных сторон, парадоксальным образом, приблизились многие перечисленные исследователи: угроза для Карамзина исходила *как изнутри, так и извне его близкого окружения*.

Еще в 1975 г. исследовательница русской культуры конца XVIII—начала XIX вв. Л.В. Крестова в одной из своих последних статей «А.И. Плещеева в жизни и творчестве Карамзина» писала: «А.И. (Плещеева. — А. К.) огорчалась из-за отъезда Карамзина за границу в 1789 г. и осуждала его врага. Им был, по-видимому, князь Г.И. (?) Гагарин, порвавший в это время с масонами и доносивший Прозоровскому об участии Карамзина в кружке Новикова...»²¹

Обращает на себя внимание тот факт, что в своих предположениях Л.В. Крестова делает акцент на поведении искомого «Тартюфа» в 1792 г. во время следствия по делу масонов, затеянному новым «главнокомандующим Москвы» князем И.И. Прозоровским, и оставляет в стороне интересующие нас более ранние события начала 1789 г., когда Карамзин отправился за границу. Кроме того, в рассуждениях Крестовой содержится очевидная описка в инициалах кн. Гагарина: речь может идти, конечно, не о «Г.И. Гагарине»²², а о князе Гаврииле Петровиче Гагарине, крупнейшем петербургском масоне шведского обряда, знатоке шведского мистика Эммануила Сведенборга (в то время как Н.И. Новиков и его московские друзья тяготели к немецким розенкрейцерам).

В 1780-х гг. кн. Гавриил Гагарин, уловив смену настроений Екатерины II, постепенно свернул деятельность своих лож в Петербурге и вскоре получил назначение на высокую гражданскую должность в Москве — обер-прокурора 6-го департамента Сената. Разумеется, появление в «первопрестольной» знатока эзотерических текстов и масонского гроссмейстера (хотя и иного, чем москвичи, обряда) не могло не остаться не замеченным кругом Новикова, который сделал попытку сблизиться с Гагариным.

Похоже, однако, что сам тайный советник Гагарин очень скоро повел двойную игру: вникая в секреты новиковцев, он не прочь был поучаствовать в их разгроме: в 1792 г. он станет одним из главных свидетелей на процессе против Новикова и его друзей. Уже после смерти кн. Гагарина, граф Ф.В. Ростопчин, человек очень близкий в те годы к Карамзину²³, представит в 1811 г. императору Александру I свои «Заметки о мартинистах», где о покойном кн. Гаврииле Гагарине говорилось следующее: «Этот человек был гроссмейстером тайной масонской ложи в Москве и решился пристать к мартинистам; но, узнав, что им грозит гонение, счел за лучшее избавиться от всякой ответственности и выслужиться посредством разоблачения вверенных ему тайн. Он сделался предателем единственно из страха... Это был человек умный, опытный в делопроизводстве, но корыстный, склонный к пьянству, погрязший в долгах и никем не уважаемый»²⁴. Очень вероятно, что эту свою характеристику кн. Гагарина Ростопчин, мало сведующий в масонских делах, писал со слов близкого к нему Карамзина.

Каким именно образом весной 1789 г. двадцатидвухлетний Карамзин оказался замешанным в гагаринские интриги, мы вряд ли когда-нибудь

узнаем. Однако нам известна развязка тех событий: Карамзин был выведен из-под удара и отправлен за границу — скорее всего, лично Новиковым, не желавшим ни «сдавать» молодого сотрудника, ни ссориться с влиятельным Гагариным. Новиков тогда еще надеялся, что гнев императрицы минует его, и он по-прежнему будет пользоваться покровительством московского наместника («главнокомандующего») П.Д. Еропкина, чей глава канцелярии И.А. Барнашев был активным масоном и близким к Новикову человеком.

«Письма» Карамзина: новое прочтение

Если принять нашу версию, и «путешествие» Карамзина 1789–1790 гг. было вынужденным бегством за границу, то «Письма русского путешественника» предстают литературно обработанным дорожным дневником эмигранта и читаются принципиально иным образом. Начиная с самого первого «письма», помеченного «*Тверь, 18 мая 1789 г.*», которое историк и литератор М.П. Погодин назвал ни много ни мало «эпохой в истории Русского слова»: «С него начинается наша настоящая литература...»²⁵

В самом деле, при новом прочтении описанные Карамзиным чувства расставания с близкими не выглядят самоэкзальтацией, ранее списываемой комментаторами на сентименталистские пристрастия автора. Беглец покидает родину на неопределенный срок и без гарантий возвращения, а поэтому и «путешествие в Европу», о котором он когда-то мечтал, окрашивается в совершенно иные тона: «О сердце, сердце! Кто знает: чего ты хочешь? — Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения?.. Но — когда пришел желаемый день, я стал грустить, вообразив в первый раз живо, что мне надлежало расстаться с любезнейшими для меня людьми в свете и со всем, что, так сказать, входило в состав нравственного бытия моего... Простите! Дай Бог вам утешений! — Помните друга, но без всякого горестного чувства (курсив мой. — А. К.)»²⁶. О каком «горестном чувстве» говорит Карамзин? Понятно, что сам «путешественник» будет тосковать по оставшимся в России друзьям, но почему друзья должны вспоминать о нем «с горестным чувством»?

Хорошо известен фрагмент из начала «Писем русского путешественника», где Карамзин описывает, как его московский друг А.А. Петров провожал его до тверской (петербургской) заставы на выезде из Москвы: «Там обнялись мы с ним, и еще в первый раз видел я слезы его; — там сел я в кибитку, взглянул на Москву, где оставалось для меня столько любезного, и сказал: прости! Колокольчик зазвенел, лошади помчались... и друг ваш осиротел в мире, осиротел в душе своей!»²⁷ Ю.М. Лотман, много сделавший для того, чтобы выявить документальную подоснову «Писем...», в своем комментарии данного фрагмента полностью, без перепроверки, следует литературному тексту: «18 мая

1789 г. (ст. ст.) по петербургской дороге из Москвы выехала карета. В ней сидел молодой путешественник. До петербургской заставы его проводил друг. Расстались они в слезах»²⁸.

Согласно же моей версии, вынужденный изгнанник Карамзин не мог не взять с собой в дорогу (до русской границы) надежного сопровождающего, посвященного во все «обстоятельства». И поэтому, после расставания с Петровым, в «кибитке», помимо Карамзина, продолжал оставаться еще один человек, имя которого было решено впоследствии не упоминать. Этим «вторым», по моему мнению, был еще один близкий друг Карамзина – литератор И.И. Дмитриев: об этом говорит фрагмент, на который ранее исследователи не обращали внимания, из письма Карамзина Дмитриеву (в то время – александровскому министру юстиции!) от 4 августа (ст. ст.) 1810 г., в котором Карамзин, говоря о своем скором отъезде из Москвы в Арзамас по делам своего нижегородского имения, в частности, невольно «проговаривается»: «Эта дорога напомнит мне лета первой молодости и путешествие мое с тобою к пределам нашей общей родины (курсив мой. – А. К.)»²⁹.

Заключение

...Когда летом 1790 г. Н.М. Карамзин вернулся в Россию, властям было уже не до него: новый наместник Екатерины II в Москве, князь И.И. Прозоровский начал открытый поход против масонской верхушки, который окончился в 1792 г. полным разгромом «кружка Новикова». Недолгий, но яркий период русского «просветительства» сменился очередным «затемнением».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кара-Мурза А.А.* Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. № 1 (21). С. 101–106.

² См. об этом мое большое интервью газете «Культура», в котором речь идет в том числе о Карамзине (*Кара-Мурза А.А.* За границей хорошо, если можешь вернуться // Культура. 2012. № 28. С. 7). Следующим за Карамзиным «русским путешественником», который предпочел родину – свободе, стал П.Я. Чаадаев (чьим кумиром, кстати, был Карамзин), не побоявшийся после поездки по Европе (1823–1826) вернуться в Россию летом 1826 г., в самый разгар правительственных репрессий против декабристов (см. подробнее: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Флоренции. – М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2016. С. 117–125). Этот удивительный факт: «был на Западе – и... вернулся» во многом явился источником исключительного нравственного влияния Чаадаева на современников. И этот же факт, похоже, стал для российских властей очевидным свидетельством «сумасшествия» Чаадаева.

³ См.: *Кара-Мурза А.А.* Путешественник или беглец: загадки и интерпретации «европейского путешествия» Н.М. Карамзина // НГ-Сценарии. 2016. № 191 (6806). С. 14.

⁴ *Сиповский В.В.* Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». – СПб.: тип. Демакова, 1899. С. 156.

⁵ *Старчевский А.В.* Николай Михайлович Карамзин. – СПб.: Типография К. Крайя, 1849. С. 28.

⁶ Там же. С. 29. Правда, сам Старчевский в своем сочинении посетовал, что при написании биографии Карамзина ни одной из этих «копий» у него «под рукой не оказалось» (там же).

⁷ См.: *Шторм Г.П.* Новое о Пушкине и Карамзине // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 19. Вып. 2. С. 150.

⁸ *Старчевский А.В.* Николай Михайлович Карамзин. С. 28.

⁹ Не приносящее особого дохода отцовское имение Знаменское было, согласно завещанию, разделено между тремя сыновьями от первого брака – Василием, Николаем и Федором. Поэтому особенно забавным выглядит утверждение М.П. Погодина, что Карамзин употребил на путешествие «часть полученных денег» (курсив мой. – А. К.) от продажи брату Василию своей трети отцовского наследства (см.: *Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии. – М., 1866. Ч. 1. С. 70).

¹⁰ О том, что вырученные от продажи имения деньги Карамзин решил отдать А.А. Плещееву, он тут же написал старшему (на 15 лет) брату Василию, которого всю жизнь боготворил и называл только на «вы»: «Я, получив от вас деньги, по долгу сердечной дружбы, обязан отдать их Алексею Александровичу, который имеет в них нужду. Странно было бы для всех, знающих связь мою с его домом, если бы я поступил иначе» (цит. по: *Погодин М.П.* Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. С. 254).

¹¹ См.: *Кара-Мурза А.А.* Путешественник или беглец: загадки и интерпретации «европейского путешествия» Н.М. Карамзина. С. 14.

¹² *Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. – Пг.: Изд. Отделения русского языка и словесности Императорской АН, 1915. С. 5–6.

¹³ Там же. С. 6. Уже после возвращения Карамзина в Россию А.И. Плещеева в письме к А.М. Кутузову из Москвы от 10 ноября 1790 г., сетуя на то, что «Рамзей» (масонское прозвище Карамзина) вернулся из Европы сильно изменившимся («сердце его сто раз было нежнее и чувствительнее»), снова возвращается к теме «злодея», из-за которого Карамзин вынужден был покинуть Россию: «Есть ли человек, столь великодушный, который бы мог простить злодея, причинившего все эти перемены? Считайте меня, как хотите, но я не себя виню, а виню того злодея, который был причиною моего согласия на отъезд Рамзея» (там же. С. 29).

¹⁴ Комическая пьеса «Тартюф» была написана Мольером в 1664 г.

¹⁵ Русская старина. Январь 1874. С. 5.

¹⁶ *Барсков Я.Л.* Переписка московских масонов XVIII века. С. 289.

¹⁷ Письма А.А. Петрова к Карамзину. 1785–1792 (подготовка текста Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского) // *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1984. С. 509.

¹⁸ *Ситовский В.В.* Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника»... С. 143–144.

¹⁹ *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. – М., 1998. С. 35. 382.

²⁰ Наиболее радикальное предположение в этой связи выдвигает В.Б. Муравьев – автор новейшей биографии Карамзина в серии «Жизнь замечательных людей». Припомнив пушкинское определение Екатерины II, данное по этому в бессарабской ссылке 1822 г.: «Тартюф в юбке и короне», Муравьев делает смелый вывод: «Так что теперь к письму А.И. Плещеевой можно сделать объяснительное примечание: Тартюф – это российская императрица Екатерина II» (*Муравьев В.Б.* Карамзин. – М.: Молодая гвардия, 2014. С. 104–105). Если быть последовательным, то по Муравьеву выходит, что весной 1789 г. 22-летний Карамзин бежал из России, став объектом преследования не кого-нибудь, а самой русской императрицы! Однако, увы: догадка эта в книге Муравьева не имеет никакого продолжения и выглядит абсолютно

«вставной»), ибо в дальнейшем изложении автор полностью воспроизводит концепцию о Карамзине как о «вольном путешественнике».

²¹ Крестова Л.В. А.И. Плещеева в жизни и творчестве Карамзина // XVIII век. Сб. 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР П.Н. Беркова. – Л.: Наука, 1975. С. 266.

²² Трудно предположить, что исследовательница такого уровня, как Л.В. Крестова, окончившая классическое отделение университета еще до революции (1914), могла всерьез вести речь о другом Гагарине – князе Григории Ивановиче, будущем известном дипломате. Г.И. Гагарин и по возрасту не подходит на роль «Гартюфа» (в 1789 г. ему было семь лет!), и впоследствии будет в самых приятельских отношениях с Карамзиным. Единственное, что сближало Гавриила и Григория Гагариных – это страсть к сочинению «эротических стихов», в чем оба они были большие мастера.

²³ По московским меркам Карамзин и Ростопчин считались близкой родней: жена Ростопчина и первая жена Карамзина (урожденная Протасова) были двоюродными сестрами. В 1811 г. Ростопчин был частым гостем в доме Карамзиных; вместе они наведывались в тверскую резиденцию сестры Александра I, вел. кн. Екатерины Павловны, через которую передавали «аналитические материалы» для царя. А летом 1812 г. Карамзин, в свою очередь, переехал жить с семьей в дом Ростопчина, назначенного генерал-губернатором Москвы.

²⁴ Записка о мартинистах, представленная в 1811 г. графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // *Ростопчин Ф.* Мысли вслух на Красном крыльце. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 140–141.

²⁵ *Погодин М.П.* Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. С. 72.

²⁶ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. С. 5, 6.

²⁷ Там же.

²⁸ *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. С. 29.

²⁹ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866. С. 119. Не вызывает сомнения, что в этом фрагменте речь идет именно о мае 1789 г. – начальном этапе европейских странствий Карамзина. Никак не упомянутый в «Письмах русского путешественника» И.И. Дмитриев, в свою очередь, до конца жизни хранил тайну карамзинского вояжа в Европу. В своих поздних мемуарах он так написал об общении с Карамзиным в конце 1880-х гг.: «Несколько раз встречались в Москве, и, наконец, разлучились уже на долгое время: он отправился в чужие края, но не за счет общества, как многие о том разглашают, а на собственном иждивении» (*Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. – М.: Типография В. Готье, 1866. Кн. 2. С. 100).

REFERENCES

Correspondence of Moscow Masons of XVIII century. 1780-1792. Petrograd, Imperial Academy of Sciences Publ., 1915. 405 p. (In Russian)

Kara-Murza A.A. Karamzin, Schaden and Gellert. On the Sources of Nikolai Karamzin's Liberal Conservative Discourse. In: *Philology: Scientific Researches*. 2016. No 1 (21), pp. 101-106 (in Russian).

Karamzin N.M. *Letters of a Russian Traveller*. Yu.M. Lotman, N.A. Marchenko, B.A. Uspensky (eds.). Leningrad, Nauka [Science], 1984. 720 p. (in Russian).

Letters of N.M. Karamzin to I.I. Dmitriev. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1866. 730 p. (in Russian).

Lotman Yu.M. *Creation of Karamzin*. Saint Petersburg, Azbuka [Alphabet], 2015. 448 p. (in Russian).

Muraviev V. *Karamzin*. Moscow, Molodaya Gvardiya [Young guard], 2014. 479 p. (in Russian).

Pogodin M.P. Nikolai Mikhailovich Karamzin in his writings, letters and reviews of contemporaries. 2 parts. Part 2. Saint Petersburg, A.I. Mamontov Publ., 1866 (in Russian).

Sipovsky V.V. *N.M. Karamzin, the author of «Letters of a Russian traveler»*. Saint Petersburg, V. Demakov Pub., 1899. 654 p. (in Russian).

Starchevsky A.V. *Nikolai Mikhailovich Karamzin*. Saint Petersburg, K. Kray Publ., 1849. 280 p. (in Russian).

Аннотация

В статье доказывается, что в свое «европейское путешествие» 1789–1790 гг., ставшее знаменитым благодаря «Письмам русского путешественника», двадцатидвухлетний Н.М. Карамзин отправился не по своей воле, а будучи удаленным из Москвы друзьями, дабы избежать конфликта между «кружком Новикова» и властями, готовившими наступление на московских масонов. Этим объясняется длительность «путешествия» (четырнадцать месяцев) и полное отсутствие переписки между Карамзиным и родными, а также близкими друзьями, оставшимися в России. Согласно авторской версии, Карамзин впоследствии превратил беглые записи эмигрантского дневника в литературно обработанные «Письма путешественника».

Ключевые слова: русская история, русская литература, Россия и Европа, Просвещение, путешествие, масонство.

Summary

This essay proves that on his European journey of 1789-1790, made famous by «The Letters Of a Russian Traveler» the twenty-two year old Nicolai Karamzin did not embark «on his own free will», but rather was removed from Moscow by friends, in order to avoid conflict between the «Novikov circle» and the authorities that were getting ready to launch an attack on the moscovite Masons. This accounts for the long duration of the «journey» (fourteen months) and the complete absence of correspondence between Karamzin and his family, as well as close friends, who remained in Moscow. According to the author's version, Karamzin subsequently turned the brief notes of an emigrée «diary» into the literarily edited «Letters Of a Russian Traveler».

Keywords: Russian history, Russian literature, Russia and Europe, Enlightenment, voyage, freemasonry.